

Ни пуха, ни пера!

Миканова Т.
О, эти знаменитые московские «коммуналки», пугавшие всех теснотой, многодетностью, суетой. Все, кто испытал эту жизнь, знают, как мечталось уйти от суеты в тишину, покой, чистоту «отдельной». В «свою» — без свидетелей и наблюдателей квартиру. И вместе с тем только теперь, спустя многие годы, понятно, как много потеряно в единении, — общительность, взаимопомощь, дружба на долгие и долгие годы, складывавшиеся в этой атмосфере, — все вместе, «всем миром». Теперь — каждый сам по себе и, главное, сам для себя. Давно нет дворовых команд, в которых родились многие будущие мастера спорта, нет ребячьих театров со своими местными примадоннами и премьерами, с авторами пьес, поэмы и прочей литературы. Но след они оставили глубокий — вспомним, сколько прославленных людей вышло отсюда!

дивидуально. Можно лишь подсказать, как прочитывать текст, как раскрывать образ. Вот этому умению можно научиться. Ко мне в основном приезжают ученики из провинции, абсолютно зеленые.

— Что, на твой взгляд, самое важное в творчестве эстрадного певца?

— По-моему, умение найти себя, свой имидж, манеру, репертуар. Это основа основ — все больше убеждаюсь я в занятиях с молодежью. В нынешнем году поступать к нам приехала из Томска девушка. Голос — уникально красивый, большой. И сама она — красивая, стройная, высокая. Открыла рот, запела — оторопь взяла всех. Комиссия до единого была против, категорически не годится. Одна я возразила: дайте мне ее на полгода. Будет зимняя сессия — посмотрим: может быть, сдаст экзамены. Если плохо, обещаю, никакого нажима, никаких углов с моей стороны не поступит. Как получится, так получится. И ведь сдала экзамены, прекрасно сдала. Однако себя она еще не нашла. Девушке хочется быть модной, петь поп-музыку, а ее сильный голос, необыкновенной

мастеров, потому что, попросту сказать, они ничего толком не умеют. Красиво? Да! У них красивые тела, ноги, зубы, волосы. Они прыгают, вихляются, скачут, а актерского умения — напрочь нет.

— Кто же все-таки тебе нравится из современных эстрадных певцов, кого ты считаешь настоящим мастером?

— Первая артистка для меня, ты знаешь, — великая Алла Пугачева. Как была всегда, так и осталась в моем представлении до сегодняшнего дня. Я считаю ее непревзойденным мастером эстрады. Ее никто не догнал, и я не вижу, кто бы мог догнать или хотя бы приблизиться к ней. Не ви-жу! Есть интересные артисты, очень интересные. Валерий Леонтьев — умный, одаренный. К сожалению, сейчас с ним, на мой взгляд, что-то произошло. Складывается впечатление, что он очень много умеет, а старается показать, что еще больше умеет. Получается перебор — вот чтостораживает. Я очень люблю Валерию, поэтому пристрастно за ним слежу и переживаю, когда он жмет, жмет, жмет. Причем в песнях, где совсем не нужна такая безумная отдача; не нужно раз-

рессивная манера исполнения. Ощущение, что делается все грубо, вульгарно, и мелодии — неинтересные, все одинаковые. «Не нравится мне. Моя душа такое не принимает», — говорю я робко. Жена удивлена, Никита, по-моему, не то, что разочарован — рассержен. Что делаешь — не понравилось!

А спустя какое-то время уже Наталья Петровна Кончаловская зовет к себе послушать переведенные ей песни, которые привез Богословский, обещая все рассказать о неизвестной певице Эдит Пиаф — о ее судьбе, ее жизни и гибели. И передо мной открылся на этот раз совершенно другой человек. Все, что казалось вульгарным, открылось такой болью, горькой правдой, о которой она поет «через не могу». И я взяла ее песни, только исполняла совсем по-другому, потому что лишена дара подражания, не умею копировать, повторять. Пела я и рассказывала о трагической судьбе Пиаф.

Помню прекрасно этот цикл у Гелены Великановой, помню в ее трактовке репертуар Иза Монтана и, конечно, песни Булата Окуджавы.

— Общение с таким человеком, как Булат, его доброе отношение ко мне невозможно недооценить. Ведь песни, которые он писал, первой показывались мне. Бывало позвонит, сообщит, я хватаю свой тяже-

Эстрада — искусство личностей

Мне подумалось все это при недавней встрече с Геленой Великановой. Знакомы мы с ней многие годы — часы и дни проводили на конкурсах, смотрах, праздниках, эстрадных концертах. Я знала все о Гелиной жизни — она ведь тоже начинала с «дворового» театра одного из старомосковских домов на Сретенке.

На сей раз я «поймала» Гелену Марцеловну в коротком перерыве между поездками — только две ночи назад она вернулась с гастролей в Кургане, а завтра, рано поутру, летит в Штаты, аж на два месяца.

Я хорошо знаю, как началась биография «певицы» — едва ли не с семи лет. Но мне давно хотелось спросить, почему она, поступив в Музыкальное училище имени Глазунова, где готовили артистов оперетты, можно сказать, не начав даже освоение профессии, переметнулась внезапно в студию артиста художественного театра Бориса Петкера. Что это?

— Примитивно просто: студия была эстрадной, а меня обуревала эстрадомания. К тому же при всей тяге к артистической карьере, к сцене, желании петь оперетту я не люблю и никогда не любила. Может быть, нехорошо, что я так говорю, но я всегда ощущала в ней фальшь. А при моем максимализме (я страшная максималистка!) участвовать в подобном действе для меня было просто невозможно. Деланные голоса жеманных женщин, глупые мужчины — в моем восприятии это специфика оперетты. Нет, она не для меня. Хотя Ярон очень уговаривал, я сбежала к Петкеру. И в какое окружение попала: сам Петкер, Ольга Андровская — у нее я обучалась, Кторов!

— Наверное, это было самое светлое время?

— Еще был Очаровательнейшая женщина и актриса Ольга Николаевна. Врожденный педагог, она обладала редким умением показывать и даже рассказывать, как нужно петь песню.

— Удивительно! Откуда? Ведь Андровская была великолепной драматической актрисой. При чем тут пение?

— Такая музыкальная, такая изящная, подвижная, словно всю свою жизнь она провела на эстраде.

— Ты теперь сама учишь эстрадному делу. Скажи, а в принципе можно научить эстраде или, как говорил однажды Муслим Магомаев, эстрадным артистом надо родиться — это врожденный талант?

— Понимаешь, на эстраду приходит уже актер, который ничем иным не хочет заниматься, потому что эстрада — искусство очень видное и самостоятельное. Здсь в одном лице сосредоточено все — ты и исполнитель, и режиссер, и редактор, и завлит. Если кто-то будет подбирать тебе репертуар, ставить, одевать, редактировать выбранный тобой материал, тебя, как личности, уже не останется. А настоящая эстрада — искусство личностей, искусство индивидуальностей. Я сама никогда не работала с режиссерами, потому что считала это неправильным. Представь себе, пою о несчастной любви — меня покинул дорогой мне человек. Как может кто-то почувствовать, что я в этот момент переживаю? Моя боль, моя обида, моя реакция. Я побегу за любимым, другая махнет рукой — иди; третья — станет хитрить, приносивать. Это все очень ин-

красоты, не вмещается в мелкие формы поп-репертуара. Да и внешность, рост — куда ей скакать, прыгать на сцене — будет, как молодой козлик! Я ее убеждаю. Внушаю молодым, и какой внешний облик должен у них быть.

— Я вижу, ты и по сей день так же бескорыстно относишься к своим ученикам, молодым коллегам: не только занимаешься с ними, но и заботишься об их внешности?

— Еще бы, сейчас особенно, когда все так безумно трудно. Стараюсь, даю им все, что могу, что умею и что имею. Они выступают в моих платьях, туфлях.

— Ну и везет твоим ученикам! Таким туалетам может позавидовать самая модница. Уж как ты одеваешься — дай Боже! Хотя мне трудно представить, как втискивается кто-то в твои платья. Ты уж в такой отличной форме, что не каждому удастся. Очевидно, соблюдаешь строгий режим?

— Никакого режима. Люблю вкусно поесть, больше всего — домашнее мучное. Вот тебе и режим: обещаю себе — вот Новый год пройдет, буду следить за диетой, с 1 Мая останюлюсь, с Пасхи, с Рождества — все пусто! Так что главный секрет сохранения внешней формы — масса забот, трудная жизнь. И главная забота — оставаться на достойном уровне мастерства.

— Я никак не могу для себя уяснить, что входит в понятие мастерство в эстрадном исполнительстве. Оно так «многодельно», многосоставно, в чем же его суть? Предположим, в творчестве вокалиста на эстраде? Свободное владение голосом? Этого слишком мало. Выразительность слова, фразы? Тоже лишь деталь. Умение двигаться? Небольшая частичка в творческом процессе.

— По-моему, мастерство в эстрадном искусстве — сумма умений. Потому мы и не видим среди молодежи истинных

рывать себе сердце, легкие, печеньку. Не надо этого! Нужно только постараться сосредоточиться, дать и себе, и мне, и каждому возможность подуматься, вслушаться, вникнуть в смысл. Вспомним, как иногда Алла может встать и почти неподвижно спеть от начала до конца песню, не сдвинувшись с места. Спеть с невероятной глубиной, внутренним посылом, с таким страданием, с таким разорванным или счастливым сердцем. Вот это для меня праздник.

— То, что сейчас сказано об Алле, ты делала сама.

— Пыталась делать.

— На мой взгляд, делала. Тем и отличалась от «прытких» коллег. И дело не во внешней манере поведения, а в художественном подходе, взглядах, принципах, которыми ты живешь, — во внутренней драматической насыщенности, наполненности.

— Без этого невозможно! Если я вижу женщину, которая поет песню и она в этой песне 5 раз в другой причине, в разных туалетах разного фасона и цвета — это уже не искусство. Это — неправда, притворство.

И репертуаром Гелена Великанова отличалась от многих наших певиц: циклы детских песен, песен Эдит Пиаф, Иза Монтана, новинки Булата Окуджавы, да и вообще песенные премьеры наших композиторов.

— С репертуаром Пиаф у меня получилась забавная история. Однажды (тогда в стране еще никто не знал ни имени, ни творчества певицы) мне позвонил Никита Богословский: «Геля, я вам привез потрясающий подарок из Парижа. Потрясающий! Такие песни!!! — что-то совершенно невероятное». Мучь к нему домой. Он с женой ставит на патефон пластинку и торжествующе смотрит на меня в ожидании восторгов. Что же это такое? Хрипловатый, как мне кажется, довольно противный голос, аг-

люющий допотопный магнитофон и через весь город — к нему. «Вот ведь как, — любил повторять Булат, — ты с этой бандурой тотчас же приезжаешь на другой конец Москвы, чтобы получить мою новую песню. А что-то молодежь не рвется за новой песней!» Правда, молодежь, может быть, и рвалась, но ведь дают композиторы только известные.

— Естественно, каждому автору нужно, чтобы песня обрела жизнь. Значит, нужен верный. И поэты всегда стараются сотрудничать с надежными композиторами. И композиторы всегда ищут хороших интерпретаторов. Кстати, сколько я знаю тебя и твой репертуар, я не помню в твоих программах бездарные тексты.

— Где-то, завершая концерт, я могу себе позволить повалить дурака — спеть глупую песню, потанцевать.

— Говоришь «повалить дурака». Может, припомнишь какую-нибудь смешную историю из своей концертной жизни.

— Из моей, пожалуй, так сразу не вспомню. А вот из биографии Гены Хазанова эпизод, непосредственно связанный со мной, мне представляется довольно забавным. Дело происходило на вечере в Доме ученых, где после эстрадного конкурса, открывшего «звезду» Гены, был организован показ молодых талантов. Вести вечер поручили мне. Ученые, как им положено быть, люди пытливые, любознательные, смотрящие в будущее. Вопросы по ходу программы возникало много. «Скажите, пожалуйста, — неожиданно обратился ко мне сидевший в первом ряду академик Мстислав Всеволодович Келдыш. — Вы рассказываете о молодых артистах, а такие, как Шульженко, Аркадий Райкин, были на конкурсе?»

Вот сейчас я объявляю артиста, который, наверное, будет таким, как Райкин, а может быть, будет лучше. И только открыла рот, чтобы объявить выход Геннадия, вижу — он забился почти в истерике, отчаянно замахал руками, стал прятаться в шторке и отчаянно шептать: «Ой, ой, не надо, не объявляйте, я ни за что не выйду, после того, что сказано вами обо мне. «Могу стать лучше Райкина», да как я теперь попадусь ему на глаза». Пришлось объяснить публике, что герой мой убоился, застенялся, пока представлю другого, а потом выйдет и тот самый. И он появился на сцене, и понравился очень строгим академиком.

Однако наша беседа слишком затянулась. Пора и честь знать. В прихожей, у зеркала, болтущая, набитая доверху дорожная сумка, дожидаящаяся своего дальнего полета.

Прощаемся Традиционное:

— Ни пуха, ни пера!

— К черту, к черту! Как только прилечу, первый звонок тебе!

...Публикация приурочена точно ко дню рождения певицы. Как она в дальнейшем свете встретит этот день? Трудно, призналась она. В прошлом году летала в США в большой компании, а сейчас — одна-одинешенька. Ничего: при той энергичности, жизнелюбии, доброте и общительности, которые присущи Гелене Великановой, можно быть за нее спокойной.

А теперь уже от всей редакции, еще раз — ни пуха, ни пера, Гелена Марцеловна!

М. ИГНАТЬЕВА.

Фото Н. Самойлова.